
ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ ГЛАВНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ОТДЕЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ ИНИОН РАН О.Ю. МАЛИНОВОЙ С ПРОФЕССОРОМ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА С.П. ПОЦЕЛУЕВЫМ

Для цитирования: Интервью главного научного сотрудника Отдела политической науки ИНИОН РАН О.Ю. Малиновой с профессором Южного федерального университета С.П. Поцелуевым // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 221–233. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.11>

О.Ю. Малинова: *Сергей Петрович, если я правильно понимаю, именно вы в конце 1990-х ввели термин «символическая политика» в российскую политическую науку. Сейчас его используют многие политологи, и не только политологи – помню, однажды я отметила его в выступлении Д.А. Медведева, тогда председателя правительства. В последнее время исследованиями политической науки стали много заниматься в России. Как вы думаете, с чем это связано? И только ли для России характерна эта тенденция?*

С.П. Поцелуев: прежде всего, уважаемая Ольга Юрьевна, большое вам спасибо за возможность высказаться на столь важную тему. Да, моя статья в «Полисе» в 1999 г. была, пожалуй, первой отечественной работой, где понятие символической политики было представлено в развернутом виде. Но концепт, что называется, витал у нас в воздухе, и когда я услышал и прочитал о нем в Германии, я сразу понял, что в России эта тема имеет большую перспективу. Помог мне это понять один замечательный немецкий ученый, автор классических работ по сюжетам символической

политики, Томас Майер. С ним я познакомился в 1997 г. в Дортмундском техническом университете, где он работал профессором политологии, а я в то время был там стипендиатом DAAD – Германской службы академических обменов. Профессор Майер совмещал и продолжает совмещать научную работу с политической, он до сих пор значимая фигура среди германских социал-демократов. Это важно отметить, потому что в той версии концепта символической политики, которую развивает Т. Майер, и которая мне в существенных моментах импонирует, сильна левая традиция критики идеологии. Соответственно, у Майера символическая политика есть концепт не только политологический, но и политический, т.е. тот самый, который в Германии давно уже стал частью повседневного политического лексикона. Там уже с 90-х годов прошлого века политики регулярно его используют в своих публичных выступлениях. Я помню, Томас Майер заметил еще тогда в одной из наших бесед, что Россия 90-х годов есть один из самых жестких «полигонов» для отработки стратегий символической политики, и он был абсолютно прав. Символическая политика была органической частью отечественной политической зоологии тех лет. Знаменитое ельцинское «не так сели» может служить символом этого варианта символической политики.

О.Ю. Малинова: *я знаю, что в последнее время вы занимаетесь другими проблемами. Следите ли вы за работами коллег, изучающих символическую политику? Можно ли говорить о каких-то тенденциях в этой литературе? Идентифицируете ли вы ее как некоторое направление?*

С.П. Поцелуев: да, если судить по названиям моих статей последних лет, да и то не всех, можно сделать вывод, что их тематика отошла от сюжетов символической политики. Но это как посмотреть. Во-первых, к тематике символической политики я время от времени возвращаюсь в своих работах. К примеру, в 2018 г. я опубликовал большую статью в «Политэксе», где, помимо прочего, речь идет о символической политике национальной мобилизации. Кстати, эта тема мне кажется еще недостаточно разработанной отечественными авторами, хотя в западной литературе об этом есть немало интересных работ. А ведь у нас – богатейший материал для таких исследований, подумаем только о процессах, которые идут на Северном Кавказе. Вдобавок замечу, что отсутствие в работе упоминания о символической политике еще не значит отсутствия

в ней соответствующей проблематики. Кто-то правильно заметил, что любой пишущий человек всю жизнь пишет одну книгу, так и в нашем ремесле: мы на самом деле всю жизнь занимаемся какой-то одной большой проблемой, которая лишь высвечивается нам разными гранями. Как бы то ни было, мне, конечно, интересны работы наших коллег, которые пишут по темам символической политики. И здесь, без сомнения, можно говорить о сложившемся научном направлении. Безусловно, сборники по символической политике, которые по вашей, Ольга Юрьевна, инициативе выходили в последние годы, стали своего рода пунктом кристаллизации этого направления, и я знаю, как нелегко они вам и вашим коллегам дались, с учетом общей ситуации в науке и в особенности вокруг ИНИОН. Но любопытно вот еще что: дискуссия в рамках этого направления в чем-то повторила ход дискуссии вокруг теории символической политики среди немецких политологов. Там тоже «критический» концепт символической политики вызвал желание его дополнить позитивными и конструктивными смыслами и функциями. Это сделало концепт, правда, более сложным, зато в некоторых аспектах менее острым политически. Но в любом случае, это способствовало его популяризации и расширению предметного поля его применения. Впрочем, и без этой реинтерпретации очевидна тенденция – как у нас, так и в зарубежных исследованиях – к расширению прикладных исследований по символической политике.

Но есть и еще один момент, который связан с общим статусом «символической политики» как методологического инструмента политической науки. Когда Мюррей Эдельман писал в 60-х годах свои классические работы по символическому языку политики, мир выглядел несколько иначе, чем сегодня: то была эпоха левых, сегодня – эпоха правых. Завтра, скорее всего, будет эпоха зеленых, которые могут быть и левыми, и правыми. Я имею в виду здесь под «эпохой» определенную культурную гегемонию, конечно, а не просто смену электоральных предпочтений. Но к этому добавляется и смена медийных эпох. Интернет, по-видимому, серьезно меняет восприятие символов. Это правда, что символическая политика всегда была, есть и будет. Но реализуется она по-разному, в зависимости от того, в какой медийной галактике она находится – Гутенберга, Маклюэна или Кастельса. В нашу эпоху тема символической политики неразрывно вплетается в более об-

шие и злободневные реалии: рост фундаментализма и национализма по всему миру, новые медиа с их постфактами, экологическая проблематика и т.п. Из-за этого традиционные сюжеты и концепты в рамках символической политики как исследовательского направления тоже, видимо, требуют переосмысления. Попытка углубить исследовательскую повестку дня по концепту символической политики неизбежно ведет к более фундаментальным вопросам: как функционирует идеология в эпоху новых медиа, какие новые возможности возникают для манипуляции сознанием, и в каком случае символы сегодня более эффективны для манипуляции, чем просто знаки? Центр идеологического процесса в когнитивной его составляющей (а она выходит на первый план) все больше перемещается из шумного пространства площадей с их массовыми символами в приватную интимность черепной коробки. Это не значит, что стало меньше протестующих людей на площадях, но сам выход на площади сегодня все чаще опосредован смартфоном как вынесенным наружу мозгом. Публичная политика все больше совершается не через эстетическое посредничество пропагандистских символов, как еще недавно в эпоху телевизора, а как «операция на открытом сознании» (по удачному выражению одного нашего отечественного автора). В этом случае слова-стимулы, минуя уровень массовости, в духе точечной рекламы и с полным знанием всех пристрастий конкретного объекта, напрямую вызывают его дела-реакции. И просто знаки в этой ситуации не менее важны, чем символы, поэтому не случайно, например, что для объяснения победы Трампа в немецкие ток-шоу периода 2016–2017 гг. приглашали не столько специалистов по символической политике, сколько нейролингвистов и экспертов в области таргетированной рекламы.

Это не значит, конечно, что концепт символической политики устаревает, но он требует развития вместе с реалиями, которые он отражает. При этом важно, именно для нас, политологов, важно, иметь в виду следующий момент. Символическая политика как исследовательское направление есть часть более широкой темы – анализа идеологического дискурса. И недооценка идеологического аспекта символической политики лишает весь этот концепт его аналитической остроты именно для политологов. Мы должны всегда помнить о второй части выражения «символическая политика», т.е. о том, что речь здесь идет не просто о символическом изобра-

жении политики, а о реализации конкретной властной воли посредством конкретных символов, нацеленных на внушение конкретных смыслов. Другими словами, мы всегда должны задавать вопрос, в духе известной работы Г. Лассуэлла, кто, что, кому и как показывает в виде политического символа, и зачем показывает, с какой целью? Когда мы говорим, что символическая политика есть противоположность фактической политики, это не значит, что от этого символическая политика менее реальна и менее «фактична». И никто из серьезных авторов, писавших о символической политике, не стал бы утверждать такую нелепость. Символическая политика – это просто другая форма вполне реальной политики, но суть ее в том, что она никогда не является вполне тем, чем кажется, на что она указывает как на свой якобы референт. В этой интриге между реальным и видимым выражается манипулятивная стратегия власти: выдать за реальность то, что она не может или не хочет делать. Политика есть власть, а власть значит идеология. А идеология с необходимостью включает в себя стремление выдать частный интерес в качестве общего. Конечно, идеология значит не только это, и общий интерес она тоже выражает; но без этой фундаментальной подмены, этого *quid pro quo*, как выражался Маркс в «Капитале», нет идеологии, хотя есть движение, размножение, смерть идей и символов. Символическая политика есть часть властной и властвующей идеологии, поэтому она тоже всегда – так или иначе – эту функцию подмены общего частным выполняет. И поэтому она всегда есть нечто большее, чем простое выстраивание символических порядков. Когда культурологи рассуждают о социальной памяти или социальной амнезии как «семиотических феноменах» – в этом еще мало политики, но когда они ставят вопрос об «альянсе власти и памяти» (как изящно выразился Ян Ассман), – это уже ближе нашей теме.

О.Ю. Малинова: *ваши работы по символической политике опираются не только на англоязычную, но и на немецкую литературу, с которой большинство из нас в силу лингвистических ограничений не знакомы. Когда эта проблематика получила распространение в Германии? Можно ли говорить о формировании национальной традиции таких исследований? Что для нее характерно? Развиваются ли эти исследования в Западной или Восточной Германии?*

С.П. Поцелуев: я думаю, не будет преувеличением сказать, что в европейской политологии проблематика символической политики получила наибольшее распространение в Германии, первоначально не без влияния импульсов со стороны традиций Франкфуртской школы. Но и во Франции появилось немало интересных работ, и там тоже чувствуется влияние марксизма, причем не только со стороны философов, но также историков, социологов и политических антропологов. Не случайно мы видим, к примеру, родство между концептами П. Бурдьё, включающими предикат «символический», и понятием символической политики. Я помню, кстати, о весьма благожелательных отзывах Томаса Майера об идеях Бодрийяра, так что здесь у немцев с французами было немало общих точек соприкосновения. Но в Германии 1990-х годов по тематике символической политики был настоящий бум. Кстати, это понятие использовалось и ретроспективно – вышло немало блестящих работ немецких авторов по символической политике нацизма, по его политической эстетике. Жаль, что они не доступны широкому русскоязычному читателю – очень актуальная сейчас тема на постсоветском пространстве. Однако уже в «нулевых» годах поток публикаций по символической политике пошел в Германии на спад, и в 2010-х годах эта тенденция только усилилась. Я вижу это по работам того же Томаса Майера, но не только. Как это можно объяснить? В фундаментальном плане – подвижками в общей научной повестке дня социогуманитарных наук, выходом на первый план сюжетов, рождаемых эпохой Интернета, искусственного интеллекта и т.п., чрезвычайной популярностью когнитивистики. В дискурсивной сфере, куда относится тематика символической политики, решающей становится не столько оппозиция символического и материального (вещного), сколько реального и фиктивного (симулятивного). Наконец, дает о себе знать и феномен интеллектуальной моды, который в гуманитарных науках особенно заметен.

Но это – о теории символической политики в нашей науке, и здесь, конечно, я даю свою субъективную оценку, которую каждый может опровергнуть. Более очевидным образом обстоят дела с концептом символической политики в публичном политическом дискурсе современной Германии. По моим ощущениям, он стал употребляться там еще шире, чем раньше, хотя и упростился, тривиализировался по смыслу. Тон здесь задают, конечно, журналисты.

Общий смысл используемого ими термина «символическая политика» превосходно выразил известный немецкий публицист Йенс Йессен в своей статье 2006 г., опубликованной в журнале «Aus Politik und Zeitgeschichte»¹. А этот журнал, замечу, является официальным органом германского государственного учреждения – Федерального агентства, ответственного за развитие гражданского образования и напрямую подчиненного федеральному Министерству внутренних дел. По словам Йессена, «символическая политика – это политика знаков: слов, жестов и образов; она разворачивается в смысловом пространстве. Фактическая политика – это политика дел: войн, договоров, налогов и пошлин; она разворачивается в материальном пространстве». Можно, конечно, возмущаться таким дуализмом символического и фактического, но именно в этом смысле и употребляется термин «символическая политика», так сказать, «в миру». Журналистам нужен сенсационный негатив, он лучше продается, а в качестве такового лучше подходит манипулятивный смысл символической политики. Поэтому даже когда в телестудию приглашают профессоров вроде Ульриха Сарцинелли, известного в Германии специалиста по символической политике, от них ждут очередного разоблачения «символической, а не реальной политики». И неважно, что при этом обсуждается, очередная встреча G-7, проблемы немецких сельхозпроизводителей, симуляция природоохранной деятельности или разрыв между настоящими и символическими зарплатами: во всех случаях акцентируется упомянутый дуализм, потому что в публичном дискурсе востребован именно он, а не комплексные академические концепты. В этом контексте даже сами по себе справедливые оговорки выступающих на публике профессоров (нельзя приравнивать символическую политику к политике эрзацев и плацебо!) не находят понимания. Я ради интереса посмотрел недавно, какие смыслы реализует хэштег #symbolpolitik в Твиттере – вот типичный пост от 30.01.2020 от «Fridays for Future Bremen»: «Мы будем и дальше требовать последовательных и радикальных мер для защиты климата! Дело не должно ограничиваться одной только символической политикой, надо на деле защищать климат!». А вот сходная

¹ *Jessen J. Symbolische Politik – Essay // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2006. – N 20. – Mode of access: <https://www.bpb.de/apuz/29742/symbole> (accessed: 12.02.2019.)*

типичная сентенция из свежей (январь этого года) статьи, опубликованной в газете «Die Zeit», в рубрике «Символическая политика»: «Реальность и политическая общественность отдаляются друг от друга. Политика все чаще только имитируется». Не буду множить эти примеры, которые показывают, что наш академический концепт символической политики не совпадает с публицистическим, да он и не должен, конечно, с ним совпадать, просто недооценка этого момента может приводить к недоразумениям в нашем общении с медиа.

Что касается национальных традиций в исследовании символической политики, то я не берусь об этом судить, потому что данный вопрос требует специального анализа. Впрочем, я подозреваю, что даже если такие особые традиции и наблюдались в период формирования этого научного направления в 70–80-х годах прошлого века, то со временем они во многом выровнялись и утратили свое значение, что вообще характерно для современной глобализованной науки, ставшей одной «большой деревней». И наше исследовательское направление по символической политике, возникшее позднее, здесь не составляет исключения. Но у нас есть ведь оригинальный корпус идей, который может быть использован для развития самого концепта, – подумаем только о такой фигуре, как Ю.М. Лотман. В этом плане, я думаю, нам есть куда расти, и не только использовать методологические идеи с чужого плеча, лишь «прокатывая» их на отечественном эмпирическом материале. В плане оригинальных теоретических синтезов по теме символической политики нам в России уже есть что предъявить. Здесь я бы выделил, прежде всего, хорошо проработанные сюжеты по отечественной политике памяти, в частности, ваши работы, Ольга Юрьевна, а также ваших коллег К.Ф. Завершинского, А.И. Миллера, В.А. Ачкасова и других. С большим интересом читал я статьи по прикладным аспектам символической политики, к примеру, работы О.В. Поповой, Д.Е. Москвина, В.Н. Ефремовой, И.С. Башмакова, С.А. Миронцевой, И.В. Николаева и многих других наших коллег, среди которых немало молодых исследователей.

О.Ю. Малинова: *чем вы занимаетесь сейчас? Расскажите о ваших недавних и нынешних проектах.*

В последние годы я вместе с моими ростовскими коллегами работал над серией научных проектов, финансируемых РГНФ – РФФИ. Эти проекты объединяются когнитивистским концептом

политической идеологии, который в некоторых моментах соприкасается и даже переливается в проблематику символической политики. К примеру, феномен политической корректности можно описывать как случай символической политики (как это делает в одной из своих статей упомянутый мной выше немецкий публицист Йенс Йессен), но мне представляется здесь методологически более конкретным понятие символической цензуры как своего рода промежуточного звена между прямой текстовой цензурой и цензурой когнитивной. Мы с коллегами как раз выполнили в прошлом году научный проект при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, посвященный стратегиям когнитивной политической цензуры. Поясню: эта цензура возникает в условиях информационного половодья, присущего новым медиа, когда феномены вроде «закона Гилмора», «эффекта Б. Стрейзанд» и т.п. делают неэффективными традиционные способы политического цензурирования публичного дискурса. С другой стороны, в упомянутом «половодье» исчезают общепризнанные авторитетные источники информации, а также монополия СМИ на публичное внимание, что для медийной аудитории крайне затрудняет идентификацию надежной информации. Новейший способ политической цензуры использует этот уязвимый (в когнитивном смысле) момент публичной коммуникации. Появляется возможность целенаправленно заполнять медиaprостранство информационным потоком, который ведет к локальному ослаблению базовых когнитивных способностей аудитории, прежде всего внимания, но также, к примеру, и памяти. Цель здесь сугубо властная, конкретная и вполне идентифицируемая – заблокировать восприятие информации, подлежащей негласному запрету в интересах конкретных политических акторов. Мы не только попытались обосновать сам концепт когнитивной цензуры, но и «обкатали» его на конкретном примере. С использованием российских систем медиамониторинга «Медialogия» и «YouScan» мы постарались рассмотреть, какие стратегии когнитивной политической цензуры работали в дискурсе президентских выборов 2019 г. на Украине. Получили весьма любопытные результаты, отчасти сопоставимые с опытом когнитивной политической цензуры в Китае и Турции.

Параллельно с этим проектом в наступившем году мы завершаем трехлетнее исследование, также при поддержке РФФИ, посвященное когнитивно-идеологическим матрицам при воспри-

ятии студентами социально-политических кризисов. Этот проект, как и упомянутый выше, тоже совмещает в себе, с одной стороны, оригинальный концепт и связанную с ним теоретическую работу обоснования, а с другой – апробацию данного концепта в конкретном социологическом исследовании. Причем этот проект стал продолжением нашего более раннего исследования 2014–2016 гг. при поддержке РГНФ, в ходе которого мы изучали праворадикальные идеологемы в сознании студентов Ростовской области. В сравнении с ним наш текущий проект существенно шире по своей проблематике и географии, учитывая любые идеологические установки студентов, причем не только в Ростовском регионе, но на Юге России в целом. К слову сказать, это социологическое исследование далось нам непросто. Мы обнаружили, что руководство ряда университетов крайне настороженно относится к перспективе опроса своих студентов коллегами со стороны. В одном учебном заведении (не буду его называть, так как, в конце концов, опрос мы в нем успешно провели, причем при теплой поддержке местных коллег-социологов, хотя и не без помощи нашего ректора И.К. Шевченко, а также Полномочного представительства Президента) проректор по науке письменно отказал нам в допуске к студентам, сославшись на «непрофессионализм» нашей опросной анкеты. Тем не менее вопреки всем препонам и нечестным приемам нам удалось опросить две с половиной тысячи студентов в университетах Астрахани, Краснодара, Нальчика, Новочеркасска, Пятигорска, Ростова-на-Дону и Ставрополя. Всегда испытываешь особое наслаждение, когда держишь в руках живой материал честно проведенного социологического исследования. Я уверен, что каким бы субъективным и в чем-то некорректным ни было истолкование этого материала, он ценен сам по себе, к примеру, для будущих историков, которые будут судить о нашем времени со своей «колокольни». Но для нас этот материал, помимо чисто фактической ценности, имеет и концептуальный смысл, связанный с упомянутым понятием когнитивно-идеологических матриц. Для нас этот концепт есть попытка преодолеть дилемму, перед которой часто оказывается современный исследователь идеологических установок молодежи: либо он должен зафиксировать приверженность респондента определенной политической идеологии, либо сделать вывод об идеологической нейтральности его сознания. Но фактически имеет место нечто третье: сознание молодых людей

полно самых разных идеологем, однако определить его приверженность конкретной идеологии крайне трудно. И если не подгонять фактические идеологические аттитуды наших респондентов под разные идеологические «измы», тогда надо конкретизировать понятие идеологии в когнитивном ключе – как живое сознание живых людей, а не абстрактную совокупность понятий. Наш концепт когнитивно-идеологической матрицы идет в этом направлении, не ограничиваясь представлением о матрице как основе для серийного производства идеологических смыслов. Прежде всего, мы видим в идеологической матрице (по аналогии с пониманием матрицы в физике) изначально инертную когнитивную среду, в которой помещены изолированные идеологемы, которые удерживаются этой средой от взаимодействия между собой и с внешним миром. Однако по мере повышения «температуры» социальных взаимодействий (к примеру, в условиях острого социального кризиса) когнитивная среда, окружающая идеологемы, перестает быть нейтральной, начинается связывание идеологем в идеологические концепты. И тогда матрица начинает штамповать смыслы подобно типографской матрице.

Я привел только пару из тех сюжетов, которыми сейчас занимаюсь вместе с моими коллегами. Но как я уже говорил выше, – и я думаю, это не только у меня так, – наши прошлые исследовательские сюжеты никогда окончательно не исчезают из нашей головы. Я вот, к примеру, начинал свою научную биографию в далеких уже 1980-х годах с анализа философии молодого Дьердя Лукача. Но мне приходилось, даже уже работая в другой науке, время от времени к этим сюжетам возвращаться. Сейчас вот готовлю статью о русской рецепции Лукача для немецкого сборника. Так что наше исследовательское прошлое постоянно настаивает на нас, но это, похоже, нормальный случай.

О.Ю. Малинова: *вместе с вами работает немало молодых коллег. Можно ли сказать, что в ЮФУ формируется научная школа? Как бы вы определили направление, которое вы с коллегами разрабатываете?*

С.П. Поцелуев: да, вы правы, у нас за время работы над серией научных проектов сформировалась замечательная исследовательская команда, куда входят коллеги и помоложе, и постарше меня, и совсем еще молодые люди из числа аспирантов и студентов. Но я не стал бы эту команду обозначать таким ответственным

термином, как «научная школа». У нас в Ростове, по крайней мере в РГУ-ЮФУ, уже относительно давно сформировалась общая научная политологическая школа, у истоков которой стоит наш замечательный старший коллега Виктор Павлович Макаренко. Мы все, так сказать, вышли из его шинели, многому в политологии у него научились, и до сих пор учимся. У ростовской политологической школы несколько поколений, и у каждого из них есть свои методологические и политические вкусы, свои оценки советского прошлого и постсоветского настоящего, но есть нечто общее – отсутствие сервильности как способа политологического мышления. Это идет от той части традиций философского факультета РГУ, которые я особенно ценил у моих учителей. На философском факультете, который, кстати, в этом году празднует свой полувековой юбилей, нас больше учили – если перефразировать известную сентенцию – быть оводом на тучном теле власти, чем как правильно завязывать галстук перед начальством. Я не хочу тем самым сказать, что все политологи должны быть непременно сократами; кто-то, наверное, может быть и прилично образованным софистом в хорошо сидящем костюме. Но просто таковы наши традиции – нравятся они кому-то или нет.

Вот на таком фоне сформировалась наша исследовательская команда – именно команда, потому что у нас абсолютно горизонтальные отношения взаимной дополнительности и заменяемости. И я точно могу сказать о формировании отдельного исследовательского направления по мере нашей работы над тематически родственными проектами. Я бы обозначил это направление как «политический анализ идеологического дискурса», в единстве теоретической и прикладной составляющих этого анализа. В этом направлении органически сплетаются как минимум три момента: традиционный анализ идеологических концептов в рамках политической философии, методология политического дискурс-анализа и подходы из сферы когнитивистики. Так что направление это получается у нас междисциплинарное, в том числе и по составу участников. За прикладную социологию в наших проектах отвечает коллега из Института социологии и регионоведения ЮФУ, опытный специалист П.Н. Лукичев, доктор социологических наук. Из Южного научного центра РАН с нами уже несколько лет сотрудничает Л.Б. Внукова – опытный исследователь региональных социально-политических проблем, тоже политолог и социолог в одном лице. Замечательно, что по мере реа-

лизации проектов наши люди защищают кандидатские и докторские диссертации. Мои ближайшие коллеги по команде, М.С. Константинов и Т.А. Подшибякина, активно работают над завершением своих докторских диссертаций, а несколько моих аспирантов уже успешно защитили кандидатские по темам, близким сюжетам наших исследовательских проектов. К примеру, в прошлом году под моим руководством была защищена интересная работа на тему «Технологии национальной мобилизации в многосоставных обществах с этнокультурной сегментацией». Ее автор, С.Н. Цибенко, является сотрудником Центра междисциплинарных гуманитарных исследований ЮФУ, и у нас уже имеется опыт творческого сотрудничества с этим «мозговым центром», который возглавляет замечательный ученый В.В. Цибенко. Причем замечу, что в упомянутой диссертации активно используется понятие «технологий символической политики», и нам было очень кстати сослаться здесь на ваш, Ольга Юрьевна, курс в Высшей школе экономики с аналогичным названием. Так что, как видите, я не только не забываю о концепте символической политики, но и моих учеников к нему приобщаю, по крайней мере там, где это нужно и методологически работает. В целом проблематика символической политики продолжает оставаться важным моментом моих исследовательских программ. Причем органическим элементом, переведенным в плоскость эмпирически исследуемых явлений. В этом смысле я никуда от этой проблематики не ушел, я просто чуть шире «огляделся вокруг».

Спасибо вам от души, Ольга Юрьевна, за интересные вопросы, мотивирующие к саморефлексии.

О.Ю. Малинова: *вам огромное спасибо, Сергей Петрович, за интересное интервью и возможность приобщиться к вашей «творческой лаборатории».*

The interview of professor Olga Yu. Malinova with professor Sergey P. Potseluev

For citation: The interview of professor Olga Yu. Malinova with professor Sergey P. Potseluev. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 221–233. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.11>